

Энергия выступления Ни Чи вызвала взрыв комментариев в прямом эфире, и количество зрителей продолжало расти.

[S-группа точно выиграет! Я бы хотел оказаться там и начать танцевать!]

[Кто-то внизу размахивает флагом Чжишэна, это так круто!]

[Он не выплюнул тряпку, которую засунул в рот?? Я думал, он её выплюнет на пол, но он аккуратно вынул её руками.]

[И положил обратно в карман, хахаха, раньше он просто бросал всё на месте!]

[Эта песня такая в духе Чжишэна, кажется, будто это его песня, просто с добавлением трёх музыкантов.]

Цинь Июй, сидящий на зрительских местах, на этот раз не шутил, а был сосредоточен. В отличие от пения Ни Чи, его больше интересовала инструментальная аранжировка песни, и он слушал очень внимательно.

Аранжировка явно делала акцент на электрогитаре, бас-гитара была техничной, но ритмически не выделялась.

- Бас Ника очень стабилен, - не удержался он. - А вот этот «недостающий бас» играет слишком прыгающе.

- Недостающий бас? - Нань И нахмурился, но потом понял. - Не придумывай людям клички.

- А ты всё называешь его «Маленький Шин», - парировал Цинь Июй.

Нань И не стал спорить, когда начался бридж после второго припева, оба нахмурились.

- Ритм-гитара сбилась, - медленно моргнул Цинь Июй. - Отстаёт.

- Барабаны очень точные, - Чжи Ян, чувствительный к ритму, заметил. - У Жуй Ю даже лицо изменилось.

Камера переключилась с общего плана сцены на соло Ни Чи на электрогитаре. Хотя этого не было видно, Цинь Июй явно слышал ошибки в игре А Цю.

Янь Цзи тоже заметил: - Кажется, Ни Чи тоже немного сбился.

- С Ни Чи всё в порядке, - сказал Нань И.

Цинь Июй объяснил: - Ни Чи - ведущий гитарист, А Цю - ритм-гитарист. Ритм-гитара обычно играет аккорды и повторяющиеся риффы, ей нужно держать ритм. Ведущий гитарист играет мелодию, как Ни Чи, но он также отвечает за яркие моменты в аранжировке. Проще говоря, один должен быть стабильным, другой - рискованным. Но когда Ни Чи играет соло, а ритм-гитара сбивается, это создаёт ощущение, будто соло слишком вычурно.

- Это проблема слаженности, - добавил Нань И. - Музыканты влияют друг на друга. На живом выступлении слишком много неопределённостей, возможно, проблемы с мониторингом. В конечном итоге, они недостаточно репетировали. Если бы ритм-гитара была отработана до автоматизма, её бы не так легко сбить.

Чжи Ян фыркнул, вспомнив заменённого участника АС, и с трудом сдержался, чтобы не выругаться, только пробормотал: – Конечно, у них не было времени репетировать, если они заменили его в последний момент...

Ошибки в исполнении легко заметить музыкантам, но для зрителей и фанатов они не так очевидны. Они были в восторге, и больше слушали вокал, чем инструменты. Ни Чи даже импровизировал в своём соло, немного затянув его, чтобы дать А Цю время на восстановление.

Этот момент быстро прошёл, визуальные эффекты и взаимодействие шести музыкантов на сцене наращивали эмоции. На большом экране горело пламя, а по краям сцены вырывались огненные струи.

Ни Чи снял микрофон со стойки, с красной гитарой за спиной, бегал и прыгал по сцене, подняв руку и повторяя:

[Ничего не изменилось

Ничего не изменилось

Мир никогда не менялся

Мир никогда не изменится]

Хотя это была совершенно новая песня, все зрители в зале подняли руки и пели вместе с ним, повторяя слова. Звуковая волна нарастала, становясь всё громче. Этот концерт-клуб, переплетённый красным и чёрным, стал местом, где люди могли вырваться из удушающей реальности, выплеснуть эмоции, а затем снова стать сдержанными и приличными.

Ни Чи вернулся к микрофону, поставил его на место и сыграл потрясающий пассаж, запрокинув голову. Красный свет падал на его потное лицо, а узкие глаза выглядели немного зловеще.

Он улыбнулся и с лёгким вздохом пропел последние строки:

[Через 200 миллионов лет все превратятся в прах

И динозавры исчезнут]

Все огни погасли, на огромном экране сцены всё превратилось в пепел и разлетелось, как и говорилось в названии песни.

– Так вот почему в начале ноги монстра были как у динозавра, – Чжи Ян аплодировал.

Выступление S-группы закончилось, и громкие крики заглушили голос ведущего. Ни Чи, стоя у микрофона и переводя дыхание, вышел из атмосферы песни и, услышав, как зал скандирует его имя, смущённо улыбнулся и сделал жест «стоп».

– Вытри пот! Где тряпка? – крикнула одна из фанаток.

Ни Чи замер: – Нет, нет.

А Сюнь медленно сказал: – Всё равно ты её уже грыз, можешь и вытереть...

Под руководством ведущего началось голосование, а затем интервью о выступлении.

- Выступление S-группы было потрясающим, сложно поверить, что они подготовили всё за две недели, от написания песни до репетиций, – ведущий посмотрел на музыкантов на сцене. – Теперь, когда вы успешно выступили, я думаю, у участников S-группы есть много впечатлений, которыми они хотели бы поделиться с фанатами!

Все взгляды устремились на Ни Чи, и он взял микрофон. Все ожидали, что он скажет что-то банальное, но первое, что он произнёс, было имя другого музыканта.

- Я хочу поблагодарить гитариста группы «Монстры Уду» – учителя Ци Кэ. Он участвовал в написании гитарных аккордов для «Превратиться в прах», но по разным причинам не смог выйти на сцену.

А Цю рядом поднял бровь.

Зрители в зале ещё не понимали, что происходит, но музыканты на зрительских местах обменялись многозначительными взглядами.

Цинь Июй широко раскрыл глаза, прикрыл рот рукой, Чжи Ян с трудом сдерживал улыбку, а между ними сидел невозмутимый Нань И, создавая странное чувство юмора.

- Конечно, на сцену не вышли ещё четыре музыканта, и я надеюсь, что все их запомнят. – Он перечислил названия групп и имена музыкантов, сказал «спасибо» и, казалось, закончил, но затем достал из кармана успокаивающую салфетку, поднял её и добавил: – Спасибо А Сюню, моему брату, который скоро выйдет на сцену.

- Ах да, ещё спасибо учителю Нань И, который меня пощадил. – Ни Чи рассмеялся. – Всё.

Услышав это, Цинь Июй действительно широко раскрыл глаза, как будто он спокойно наблюдал за происходящим, а в итоге оказался в центре внимания.

- При чём тут ты? – он посмотрел на Нань И.

Нань И усмехнулся, вспоминая, как это было нелепо.

Он знал, что Ни Чи его обманывает, но всё равно принёс воду издалека.

- Спроси себя, – с лёгким намёком на личные обиды он вернул вопрос Цинь Июю.

- Меня? – Цинь Июй наклонил голову, достал откуда-то новую конфету и засунул её в рот. – Что я сделал?

- Выпей горячей воды.

- Эй, группа А выходит! – Чжи Ян тронул руку Нань И.

На большом экране музыканты группы А уже вышли на сцену. После логотипа СВ с обратным отсчётом тёмный концерт-клуб наполнился сине-фиолетовым дымом, смешанным с сухим льдом. Все экраны загорелись, и туман, тусклый и нереальный, окружил всех зрителей.

Уже по визуальным эффектам было видно, что это совершенно другой стиль, чем у группы S.

Верхний свет падал вертикально, освещая форму дыма и фигуры пяти музыкантов на сцене. Но вскоре, с появлением мягкого и нежного вступления на электрогитаре, с потолка опустилась полупрозрачная пластиковая плёнка.

Под действием вентилятора она колыхалась, как лёгкая вуаль, окутывая музыкантов на сцене и отделяя их от зрителей.

Сю Янь восхищённо сказала: – Эти визуальные эффекты такие красивые.

Суй-Суй кивнула: – Как будто между нами есть барьер.

Эффекты названия песни тоже были особенными. Пять иероглифов, написанных от руки, проецировались на плёнку и экран над зрителями – «Проявления нелюбви».

Но в следующую секунду иероглиф «не» начал растворяться и исчез.

Ли Гуй, слушая вступление на барабанах, улыбнулся: – «Глотать горькую воду» всегда играли метал, видеть их барабанщика в психоделическом роке немного странно...

– Вокалист «Фантомного электричества» звучит так хорошо, он идеально подходит для такого медленного стиля, – сказала Минь-Минь. – Его голос такой выразительный.

Электрогитара создавала хаотичную, сюрреалистичную атмосферу, как будто зрители сквозь дымку могли разглядеть фигуры музыкантов, их движения в такт музыке, но нечётко.

Это помогало погрузиться в музыку.

Но Цинь Июй не смог этого сделать. Он заметил, что Нань И встал, тихо сказал Чжи Яну: «Я выйду на минутку», – и покинул своё место.

Хотя он понимал, что тот, возможно, просто пошёл в туалет, его взгляд почему-то последовал за ним, а через несколько секунд и тело последовало за ним, с опозданием, но честно.

Зал и коридор казались двумя разными мирами. Выйдя за дверь, он попал в реальный, хаотичный мир. Здесь свет был тусклым, сотрудники суетились, бегая туда-сюда, звуки раций смешивались с музыкой из концерт-клуба, создавая ощущение, будто это длинный, дрожащий кадр из фильма.

А в конце этого кадра был угол без камер, где только глаза продолжали записывать. Цинь Июй быстро подошёл, схватил Нань И за запястье, другой рукой открыл дверь кладовой, втащил его внутрь и закрыл за собой.

Бам!

Дверь захлопнулась, щёлкнул замок.

В комнате было темно, но Нань И мог видеть яркие глаза Цинь Июя, смотрящие прямо на него. Их груди соприкасались, тёплые, и было непонятно, чьё сердце билось так быстро.

– Зачем ты вышел? – первым заговорил Цинь Июй, но не отпустил его руку.

– Почему ты пошёл за мной?

Обычно Цинь Июй не любил, когда на его вопросы отвечают вопросами, но Нань И был другим, и ситуация была иной.

Разве его ответ не звучал как флирт?

Цинь Июй улыбнулся, его рука естественно обхватила талию Нань И, а сам он расслабленно оперся на дверь и прошептал: – Потому что я соскучился по тебе.

Он нащупал выключатель на стене, желая разглядеть лицо Нань И.

Щёлк – комната наполнилась тёплым светом. Оказалось, что в панике он затащил их в кладовую, где хранились запасные инструменты всех музыкантов.

А эта комната находилась совсем рядом со сценой, всего за одной стеной. Пройдя сквозь кирпичи и бетон, звуки инструментов и голосов казались ещё более размытыми.

В тесном пространстве, кроме них – двух музыкантов, которые не должны были здесь находиться, – были только инструменты. Они были окружены гитарами и бас-гитарами, как будто это была сцена из сна.

– Ты по мне не скучал? – Цинь Июй всё ещё опирался затылком на дверь, полуприкрыв глаза, его взгляд скользнул с глаз Нань И к его уху, а рука взяла его правую руку, медленно дойдя до мозолей на кончиках пальцев.

Слова песни донеслись до них.

[Взгляды сплетаются, очертания ушей]

[Пальцы целуют линии кожи]

Эти слова были слишком нежными. Нань И смотрел на Цинь Июя, чувствуя, что в этой комнате нечем дышать.

Казалось, он знал ответ, но его губы были склеены густым мёдом, и он не мог говорить. Поэтому он просто вернулся к предыдущему вопросу, вернув инициативу в свои руки, а трудности оставив Цинь Июю.

– Я вышел, чтобы надеть цепочку, – Нань И левой рукой полез в карман, а когда вынул её, между пальцами болталась тонкая цепочка из чёрного титана с подвеской, которую Цинь Июй знал слишком хорошо.

На ней было выгравировано его имя и дата рождения.

– Раз уж ты здесь... – Нань И не смотрел на него, бросил цепочку с медиатором ему в руки, а когда Цинь Июй растерянно поймал её, повернулся, откинул волосы с затылка и обнажил шею.

– Помоги мне надеть.

Это определённо было искушением. Цинь Июй почувствовал это.

Слова песни, доносящиеся из зала, казалось, стали комментарием к происходящему.

[Сердцебиение ускоряется с каждой секундой]

[Разум падает с каждым дюймом]

Сердце билось слишком быстро, влияя на всё его тело. Пальцы дрожали, когда он пытался застегнуть замочек, и только с нескольких попыток ему удалось справиться.

Не успев проверить, правильно ли лежит медиатор, Цинь Июй обнял Нань И сзади, поцеловал его в шею, затем в основание уха, в серёжку на мочке. Блестящие гвоздики были быстро задеты, тёплое дыхание поднялось к щеке.

Казалось, он боялся оставить следы, поэтому целовал легко и быстро, лишь слегка касаясь, но это только разжигало большее желание.

Этого было недостаточно.

Нань И внезапно развернулся в его объятиях, прижал Цинь Июя к двери и глубоко поцеловал. Инструменты вокруг стояли в полной тишине, делая звуки поцелуя такими громкими. Через дверь они даже слышали крики сотрудников, что, конечно, было неуместно, запрещено.

Но Нань И вдруг понял, что он действительно жаждал этого поцелуя. Когда их языки соприкоснулись, он наконец узнал вкус конфеты, которую ел Цинь Июй – лимон, очень кислый. Как он мог терпеть такой вкус?

Но вскоре он стал сладким, всё слаще, стекая по языку. Это был всего лишь поцелуй, Цинь Июй лишь медленно проводил ладонью по его позвоночнику, поднимаясь всё выше, но всё тело Нань И напряглось, как будто его выжимали, как мокрое полотенце.

Скрытые в волокнах влажные желания и потребности стали явными.

[Как тень, следующая за тобой, ворочаясь в постели]

Что скрывается за пластиковой плёнкой, что прячется за матовым стеклом.

Он, казалось, постепенно начинал видеть, всё яснее, даже с его плохим зрением, он больше не мог игнорировать это.

Хор фанатов из концерт-клуба накатывал, как волна.

[Это всё проявления нелюбви]

Так вот что это значит?

Он стоял в неподходящей комнате, погружённый в неуместный поцелуй, но понял эту песню лучше, чем кто-либо в зале. Он когда-то так искренне верил, что это не любовь.

Зазвучал интерлюдия – низкий, протяжный звук виолончели. Их губы разделялись с трудом, и нить слюны была тому доказательством.

Цинь Июй наклонился, держа его лицо в руках, и снова поцеловал несколько раз.

Нань И всё ещё был в лёгком ступоре, пока Цинь Июй не взял медиатор, висящий на его ключице.

– Это мой первый медиатор, – его голос был тихим. – Это подарок самому себе.

Это вернуло часть его мыслей. Нань И опустил глаза, глядя на ручную гравировку и отверстие, которое он сам проделал.

– Ты тоже мой подарок. – Цинь Июй поцеловал его тонкое веко.

Когда они снова открыли дверь, оба выглядели немного виновато. Выражение лица Цинь Июя было неестественным, как будто он нарочно делал вид, что не знаком с бас-гитаристом за своей спиной. На лице Нань И не было видно особых изменений, он всегда был таким.

Но гитара в его руках выдавала всё.

Он хотел взять свой запасной бас для маскировки, но, пройдя несколько шагов, Цинь Июй заметил что-то неладное.

- Это не твой бас, - он улыбнулся, смущённый.

Нань И посмотрел вниз, и ярлык на грифе всё ещё болтался, на нём чётко было написано: «Ю Инь».

Цинь Июй, сдерживая смех, наблюдал, как бесстрастный бас-гитарист, как робот, развернулся, вернулся в кладовую и вышел уже с пустыми руками.

Мимо них пробежали два сотрудника, и Цинь Июй дёрнул его за руку, чтобы избежать столкновения.

- Где бас?

- Не буду брать, он не нужен.

Это был первый раз, когда Цинь Июй видел, как Нань И дуется.

- Ты такой милый, - он прошептал, приблизившись.

Он ожидал, что его заставят замолчать, но этого не произошло.

Нань И, казалось, не слышал, не сделал ни одного движения, даже стоял немного поодаль.

Повторяющийся финальный куплет звучал мягко, но для него это было как предупреждение.

[Это всё проявления нелюбви]

[Пропустить - это заслуженное наказание]

Слова, полные противоречий, указывали на человека, который сам себе противоречил. Нань И сжал руку, он ясно осознавал изменения в своих чувствах, но не хотел признавать это. Нынешние отношения были безопасными, приемлемыми, слово «любовь» было слишком тяжёлым, как проклятие, он хотел только отказаться.

Благодаря тому, что выступление группы А длилось почти шесть минут, они вернулись как раз вовремя, чтобы встретить группу В, которая покидала зрительный зал и направлялась за кулисы для подготовки.

Чжи Ян, обычно не отличающийся тактом, на этот раз был занят тем, что помогал Сю Янь нести длинный подол её платья, с такой серьёзностью, что даже не крикнул: «Сяо И, ты вернулся!», за что Нань И был благодарен.

Они делали вид, что ничего не произошло, просто два музыканта из большой группы, сотрудничающие друг с другом, держались на тонко выверенном расстоянии, тихо следуя в самом конце группы за кулисы.

Когда всё оборудование было готово, интервью с группой А тоже подошло к концу.

Через три минуты группа А ушла, и голос ведущего снова зазвучал.

- Следующая группа - самая многочисленная в этом раунде...

Занавес поднялся, и Цинь Июй, не скрываясь, взял Нань И за запястье, повёл его на тёмную сцену. Ещё до начала выступления в зале раздались крики фанатов, чаще всего выкрикивали их имена.

Это вызвало у Цинь Июя странное чувство удовольствия, поэтому он также проигнорировал часть неприятных, резких выкриков.

Он даже был немного благодарен тем, кто ругался, за то, что они упомянули его имя, чтобы Нань И не подумал, что это недовольство направлено на него, и не расстроился.

В группе В было много музыкантов, и световая постановка была сложнее, чем у других групп. Каждый музыкант должен был стоять на своём месте, как на репетиции, любое смещение могло повлиять на эффект. Прошло больше минуты, прежде чем все заняли свои места.

Слишком долгая темнота на сцене вызвала недовольство части зрителей.

- Быстрее! Что так долго!

- Другие группы справлялись быстрее, может, они уже с самого начала напортачили?

- О чём вы кричите? Вам так сильно надо? Не можете подождать немного?

После двух предыдущих выступлений, которые были настоящими жемчужинами, они уже были под огромным давлением. А сейчас голоса в зале становились всё громче, и это, казалось, не было хорошим знаком.

Цинь Июй стоял перед микрофоном и сплетнями, как вдруг что-то полетело в его сторону, ударило в плечо и упало на пол.

Кажется, это был бумажный шарик? Цинь Июй наклонился, поднял его и медленно развернул.

При тусклом свете он всё же смог разглядеть слова на бумаге. Они были грубыми, как и почерк.

Он положил бумажный шарик в карман и снова встал, не испытывая особых чувств.

Он даже наслаждался этим моментом. Те, кто его ненавидел, кричали изо всех сил, а те, кто любил, пытались заглушить их. Обе стороны изо всех сил старались, чтобы он их услышал.

Разве это не самый яркий момент любви и ненависти?

В наушниках раздался голос режиссёра, зазвучал метроном.

[Все камеры готовы!]

[Раз, два, три, начали!]

В отличие от других групп, сцена группы В не сразу осветилась всеми экранами и светом.

В темноте загорелся только один луч, упав на белый рояль в углу, как будто на сцене был только он.

Янь Цзи, в рубашке с короткими рукавами и чёрных брюках, сидел за роялем, его рука медленно опустилась на клавиши.

Лёгкие ноты рояля разлились по залу, это были звуки Вестминстерских курантов.

- Это... так знакомо, что это?

- Звонок на урок!

- Точно, как будто вернулся в школу.

В этот момент на тёмном экране потолка появились два огромных иероглифа, написанных белым, как будто мелом на доске.

«Возрождение».

- Возрождение? Повторный ученик?

Но незаметно вступление на рояле отделилось от звонка и плавно перешло в другую мелодию, пока что звучащую мягко и даже радостно.

Зазвучал вокал, но свет не загорелся. Голос был спокойным, сдержанным, даже пустым, без эмоций, просто рассказывал.

[Всё ещё солнечное утро]

[Время вернуться в башню из слоновой кости]

Хотя музыканты не были освещены, в зале уже были те, кто сразу узнал голос.

- Это Нань И!

- Его голос действительно такой же холодный, как и он сам.

В этот момент зазвучали барабаны, и появился новый инструмент, издающий звонкий звук, эхо которого разносилось по всему пространству.

Рояль затих, исчез в темноте, и свет загорелся на самой левой части сцены, где Минь-Минь играла на колокольчиках.

- Звук этого инструмента такой необычный.

- Как будто ты встал рано утром, пришёл в школу, а она пустая, никого нет.

А в темноте Нань И продолжал петь, и в сочетании с колокольчиками атмосфера казалась особенно пустой.

[Он, как обычно, молчал]

[Игра в салочки утомляла]

На фоновом экране внезапно появился белый платок, медленно падающий вниз. В следующую

секунду он появился на экране над зрителями.

Фоновый экран постепенно загорался, показывая нарисованный класс с чистыми окнами, но точка обзора, казалось, была с последних рядов, и взгляд был устремлён на спины сидящих учеников.

Вскоре вошёл ребёнок с опущенной головой, шаг за шагом подходя к единственному свободному месту.

[Войдя в яркий класс]

[Увидел цветы на столе]

«Он» остановился, наклонил голову и уставился на свой стол. Именно в этот момент фоновое изображение стало от первого лица, сосредоточившись на столе.

А Нань И холодным голосом спел о том, что лежало на столе.

[Чёрная фотография, белый воск капает]

Глубокий и холодный звук бас-гитары внезапно ворвался в музыку, низкочастотный гул резонировал со всеми.

Именно в тот момент, когда тысячи зрителей почувствовали, как низкие частоты заставляют их сердце биться чаще, резко зазвучала электрогитара, сопровождаемая внезапной дробью барабанов. Десять лучей света загорелись одновременно, каждый музыкант подошёл к микрофону, и они хором спели слова на белой карточке в корзине с цветами.

[«Памяти ушедшего Сяо Мина.»]

[«Ты всегда будешь нашим другом!»]

Удар был слишком быстрым и сильным. Всё, что было до этого – долгая, спокойная атмосфера – было лишь подготовкой к этому моменту. В этот момент зрители незаметно сменили точку зрения, превратившись из наблюдателей в того самого ребёнка.

А десять лиц, десять музыкантов, внезапно появившихся, взорвались синхронным хором, прорвавшимся сквозь резкую аранжировку, обрушившись на каждого в зале.

Они стали олицетворением коллективной травли, которую можно было почувствовать на себе.

<http://bllate.org/book/14694/1313192>